

ВРЕМЯ ОСТРЫХ НОЖЕЙ

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ-АМНИСТИЯ

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ТАЙНЫЙ ЛИКВИДАТОР

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Тайный ликвидатор / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Время острых ножей. Послевоенный детектив-амнистия).

ISBN 978-5-04-229362-7

1954 год. Небольшой провинциальный городок Качинск наводнен зэками, отпущенными по амнистии. В один из дней на окраине города в результате милицейской операции погибает матерый уголовник по кличке Буба. Вырвавшись из засады, он натывается на нож кого-то неизвестного. Капитан уголовного розыска Андрей Некрасов предполагает, что с рецидивистом расправился таинственный мститель. Вскоре один за другим гибнут еще три человека. Причем последний найден с явными следами пыток. Кто же таким образом сводит счеты с людьми, внешне не связанными друг с другом? Некрасов наводит справки о жертвах и буквально холодеет от ужаса открывшейся правды...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229362-7

Глава первая

Улица Красных Партизан петляла как пьяная. Неказистые строения погружались в овраги, всплывали на открытых участках. Грязь на этой улице имела свойство никогда не пересыхать, даже в сухую погоду она оставалась жирной и липкой. Дощатые тротуары разъезжались, вставали дыбом, и приходилось обходить опасные участки по щиколотку в жиже. Случайному прохожему на этой окраине делать было нечего. Создавалось ощущение, что здесь они и прячутся — красные партизаны.

Жаркое лето 54-го года было в разгаре. Миновал июнь, начиналась самая убийственная пора. Солнце жарило, как раскаленная духовка. На извилистой улочке, заставленной частными домами, не было ни души. Граждане скрывались за заборами и бревенчатыми стенами.

— Крутится, вертится шар голубой! Крутится, вертится над головой! — внезапно прорезало округу удалое пение. Пели задорно, но немного фальшиво. Из переулка вывалился разбитной молодой парень, изрядно набравшийся. Какой-то нескладный, в грубых штанах, мятая рубашка расстегнута до пупа, русые

волосы торчат в разные стороны. Физиономия — довольная, дальше некуда. На плече у парня висела гармошка, за ухом торчала папироса.

— Крутится, вертится, хочет упасть! — продолжал он, но вдруг оступился, и нога мгновенно провалилась в дыру посреди тротуара. Парень выругался, но тут же засмеялся: бывает, мол, и, пошатываясь, пошел дальше...

Старушка за оградой возилась с какими-то банками, и он, проходя мимо, помахал ей рукой:

— Привет, бабуля! Немцы в деревне есть?

Старушка удивленно посмотрела на него и pokrутила пальцем у виска. Парень заржал и прошел мимо ограды, громко бормоча:

— Духи... Где же эта дура? Хрен найдешь, а потом хрен догонишь... Где эта улица, где этот дом?.. — Он внезапно осекся, всмотрелся и схватился руками за хлипкий штакетник. — О, вот эта улица, вот этот дом! Антонина, мать твою, выходи!

Никто не отозвался, но дрогнула занавеска на маленьком грязном окне.

— Ты чего там прячешься? Выходи, дура! — крикнул парень. — Сколько можно тебя искать? Я пришел! Кавалер барышню хочет украсть! — И залился рваным, неприятным смехом.

Увы, запущенный участок помалкивал. Тогда он стал трясти штакетник, продолжая звать свою пасию.

Вдруг приоткрылась входная дверь, и на крыльцо вышел угрюмый мужик: козырек кепки надвинут на

глаза, отливала свинцом щетина. Он смотрел мрачно, исподлобья.

— Вот так поворот! — воскликнул парень. — А ты что за хрен с горы? Тонька, ты кого в дом привела?! Мужик, ты кто?

— Ты чего орешь, недоделанный? — процедил сквозь зубы мужик. — Какого хрена надо? Нет здесь никакой Тоньки. Ошибся ты.

— Это я-то ошибся? — возмущенно заголосил молодой человек. — Я что, не знаю, где Тонька шкелится?! Мы чё-то поссорились, вот она и прячется от меня... Это же дом 44. — Он смотрел на табличку, но глаза разбегались, не могли сконцентрироваться. — Или нет? Мужик, ты в каком доме живешь?

— Вали отсюда, — процедил субъект в кепке. — Нет здесь никакой Тоньки и не было никогда. Вали, кому сказано, гармонист хренов!

— Эй, а ты чего такой грубый? — возмутился парень. — Я с тобой нормально разговариваю или чё? А ты докажи, что у тебя нет Тоньки!

— Как же ты задолбал, — проворчал мужик, спускаясь с крыльца, и направился к калитке, поглядывая по сторонам.

Снова дрогнула занавеска — в окне мелькнул чей-то хмурый взгляд, и в приоткрытой двери возник еще один тип, держа руку под пиджаком и сжимая что-то на поясе. Из сарая выглянул третий — щербатый, заскорузлый, в тельняшке под мятым пиджаком — и воровато покосился по сторонам, облизывая губы.

Паренек с гармошкой не унимался, нес какую-то околесицу, словно специально нарывался на неприятности.

— Тебе по десять раз повторять? — выдавил небритый. — Чеши своей дорогой. Чего бузишь? Или ты дурачок деревенский?

— Это я-то деревенский? — возмутился гармонист. — Ты чего хамишь, дядя? Ну ладно, ошибся, а хамить-то чего?

Небритый скрипнул зубами. Близко посаженные глазки шныряли по сторонам. Не хотелось ему лезть в драку, да и вообще шуметь не хотелось. Второй субъект, продолжая стоять на крыльце, смотрел пристально, с недоверием, рука оставалась за отворотом пиджака.

Гармонист отвлек внимание присутствующих, поэтому никто не увидел, как на дальней стороне участка отогнулась штaketина в кособокой ограде и через нее пролез человек. За ним — еще двое. Они рассредоточились: один припал за ржавую бочку, двое поползли дальше. Знак рукой — и двое перебежали, а один повалился за груды старых досок.

Мужик в тельняшке что-то почувствовал, мотнул головой, глаза расширились от ужаса. Он сунул руку под пиджак и взревел дурным голосом:

— Буба! Ата! Менты!

Загremели выстрелы. Привстал из-за досок ладно сбитый русоволосый мужчина и стал бегло стрелять из ТТ. Тип в тельняшке успел выхватить ствол, но на этом все закончилось: он картинно взмахнул ру-

ками — пистолет упал по дуге в смородину, — зашатался и повалился носом в утыканные гвоздями доски.

Тут с крыльца скатился субъект с пристальными глазами и заметался, не зная, куда бежать.

«Гармонист» при первом же вопле сбросил с плеча гармошку и швырнул ее двумя руками, словно мяч, в лицо противнику. Тот оказался сообразительным, отклонился, ловко, словно цирковой гимнаст, отпрыгнул к кустам заброшенной малины и выхватил пистолет из-за пояса. У этой публики волюны всегда при себе.

«Гармонист» замешкался, тоже полез за оружием, но извлечь табельный из мешковатых штанов оказалось непросто. Тогда он оттолкнулся от ограды, скачками понесся вбок и нырнул под столб электропередачи, подножие которого заполонила кленовая поросль.

Прогрели выстрелы, и две пули пронеслись прямо над головой «гармониста». Он приподнялся, тоже дважды выстрелил, перебежал обратно к столбу и распластался под оградой. Кусты на участке вдруг затряслись — это противник энергично отползал, используя складки местности.

Парень чертыхнулся, перевесился через ограду и начал бегло стрелять по трясущимся кустам. Ахнул, когда штaketину рядом с ним переломила очередная пуля, и повалился в нестриженую траву...

На участке тем временем велись настоящие боевые действия. Капитан уголовного розыска Андрей Некрасов, подстреливший щербатого, перебежал к сараю и скорчился за углом. Постреливал из-за бочки стар-

ший лейтенант Сиротин — видный, основательный. На него всегда оборачивались женщины, но сегодня на него обращал внимание лишь ошалевший тип, прыгающий вокруг крыльца.

Завозился за досками старший лейтенант Луговец, довольно рыхлый, но поворотливый, если возникала угроза.

Бандит у крыльца, юркий, как акробат, орал дурным голосом и палил из нагана, второй рукой давя на курок. Когда барабан опустел, он выбросил ствол и кинулся, пригнувшись, к калитке, но споткнулся о брошенную гармошку. А когда вскочил, паренек за забором, Пантелей Скляров, открыл по нему огонь. Это же надо суметь промазать с такого расстояния! Увы, Пантелей сумел...

Бандит тут же шарахнулся в сторону, оборвал свисающий с крыши ворох хмеля, запутался в нем, а потом резко сменил направление и, бросившись обратно, взлетел на крыльцо. В него стреляли со всех сторон, но он, отмахиваясь от пуль, быстро юркнул в открытую дверь — в сенях раздался оглушительный грохот падающих ведер и тазов.

— Окружить дом! — прокричал Некрасов. — Никого не выпускать! Да не лезьте под пули, мужики!

Где-то сзади распахнулось окно, зазвенело вываливающееся стекло. Сиротин, который находился неподалеку, пригнув голову, побежал к дому, прижался к стене и стал стрелять за угол — из окна, похоже, кто-то пытался выбраться, но попытка провалилась — старлей теперь контролировал этот путь отхода.

На участок наконец вбежал Пантелей и сразу припустил к крыльцу. Андрей бежал с обратной стороны, и у колодца они встретились. Пантелей запыхался, словно пробежал полгорода:

— Товарищ капитан! У этого гада есть второй пистолет, я видел. За поясом... А в доме еще один...

— Здесь оставайся, — бросил Некрасов, — на гармошке, если хочешь, поиграй...

Он ввалился в сени, забывая на бегу обойму. Чертовы тазики! Какого хрена их тут разбросали?

В доме тем временем перекликались двое, и в голосах их звучали истерические нотки.

Но бандиты продолжали отстреливаться — недостатка в оружии и боеприпасах у этой шантрапы не было. Пули дырявили фанерные стены, звенело разбитое стекло...

Андрей повалился на пол, закрыл голову руками. И подумал: «Прямо как на фронте, враги бьют в упор».

Где-то за стенами надрывал глотку Пантелей, хотелось надеяться, что у парня хватит ума не лезть в это пекло.

— Суки! Назад, менты поганые! — орали из хаты. — Всех замочим!

Угроза имела под собой основания. Терять этим отмороженным было нечего.

«А что у них насчет гранат? — мелькнула у Андрея тревожная мысль. — Пока не сообразили, но могут и сообразить, дело-то нехитрое».

Он подобрался, оттолкнулся пяткой от порожка и перекатился в горницу. Здесь недавно пировали —

пахло селедкой, разлитой сивухой, но сейчас было пусто. Бандиты засели дальше — в одной из спаленок. Из проема кто-то выстрелил, сопроводив действие порцией отборного мата.

Андрей откатился за удачно подвернувшийся простенок, извернувшись, вынул из кармана припасенную РГД — какой же фронтовик пойдет на дело без гранаты? Боеприпас слабенький, наступательный, но в маленькой комнате должно хватить. Лишь бы не промахнуться.

Он высунул руку с пистолетом и выстрелил. В ответ прозвучала целая какофония — били двое. Но они уже загнаны, куда им деться, ведь выход через окно сторожит Сиротин...

— Эй, братва, еще раз хорошо подумали! — крикнул Некрасов. — Сдаваться будем?

— Да пошел ты! — хрипло выкрикнули из-за порога. И попутно конкретизировали — куда и с кем. Сдаваться им не было никакого резона — таких дел натворили, что и «вышки» мало. Уголовному розыску эта публика также живой не требовалась. Времена «языков» давно миновали — корми их, содержи, а смысл какой? Освободить надо от этой нечисти родную землю...

Капитан быстро высунулся, оценил направление и расстояние, тут же спрятался, выдернул чеку и снова высунулся. Граната пролетела над полом, миновала порог и взорвалась где следует. Домик трянуло, что-то затрещало, повалилось. Истошный вопль сошел с подрывом. Очень хотелось надеяться, что пожарных вызывать не придется...

Доносились хрипы, тряслась и ломалась оконная рама. С улицы прозвучало два выстрела — и все стихло. Но пистолет пока не хотелось убирать в кобуру.

Андрей выбрался из укрытия, осторожно пересек горницу. За проемом все раскурочено, перевернуто. Коврик на стене с изображением оленьей идиллии порвало в клочья. От кровати оторвало дужку, в стенах зияли дыры от осколков. Воздух в помещении наполнила пороховая гарь. Возгорания не произошло, и слава богу. На полу валялся истерзанный осколками труп — граната взорвалась у него под ногами. Лицо перекошено, в глазах невыразимый ужас — видимо, понял за миг до смерти, что к чему. Это гражданин Киселев Олег Севастьянович, погнало Кисель, две ходки — за разбой и нанесение тяжких увечий, повлекших непоправимый вред здоровью...

Окно, вернее, то, что от него осталось, было распахнуто настежь. Андрей подошел к нему, огибая обломки тумбы, осторожно высунулся. Соседская ограда практически рядом, стеной стояли заросли жимолости и черноплодной рябины — неплохая дорожка, чтобы безнаказанно уйти. Но не ушел — «здоровье подкачало».

Очередной труп валялся под окном — видимо, бандит пытался вылезти через него. Серая холщовая рубашка разорвана в нескольких местах. Сплюснутая голова, вылезшие из орбит глаза... Гражданин Асташкин, по кличке Пельмень (что-то действительно в образе имелось), с ног до головы был залит кровью.

Оторвался от угла и подошел Вадим Сиротин. Он был спокоен, только немного удивлен.

— Это ты его? — спросил Андрей.

— Грешен, — согласился Сиротин. — Помог человеку, он все равно не жилец. Представляешь, какой живучий — его буквально изрешетило осколками, однако смог добраться до окна, пытался вылезти, да еще и в меня стрелял. Это ведь Пельмень, если не ошибаюсь? Тот, что участвовал в изнасиловании группы школьниц за гаражами в Нахаловке?

— Он самый, — кивнул Некрасов. — Буба знает, как подбирать кадры.

— Эх, такие люди уходят, — манерно вздохнул Сиротин. — Пустеет без них земля... Вот только отчего с их уходом работы меньше не становится?..

Отвечать на риторические вопросы как-то не принято. К тому же с обратной стороны дома внезапно снова разразилась стрельба!

— Буба! — спохватился Андрей. — Как вовремя черта помянули!

Он бросился из дома, выбежал на крыльцо.

Луговец и Пантелей вели стрельбу по соседнему участку. Валентин скрючился за поленницей с дровами, служащей символической границей, высовывался, нажимал на спуск. Пантелей рванул с высокого старта, плюхнулся рядом с товарищем. Тот отвлекся, стал орать:

— Дубина ты стоеросовая, мог бы и не добежать!

Главарь Буба, судя по всему, далеко уйти не мог, так как территорию оцепили еще полчаса назад.

— Буба, сдавайся, окружили тебя! — крикнул Андрей, скатываясь с крыльца.

Пуля ударила совсем рядом, разбила последнее уцелевшее стекло на этой стороне.

— Ложись, товарищ капитан! — орал во все горло Пантелей.

Андрей бежал в обход, вдоль ограды. Ему навстречу шел Сиротин, который пролез через сухой кустарник. «Можно и от своих пулю в лоб получить, — мелькнула неприятная мысль. — Милиционеры, сжимавшие кольцо, не особо будут разбираться, кто там у них за главной мишенью...»

Отчаяние гнало Бубу — в миру Георгия Бубенцова, рецидивиста с завидным стажем. Что ему терять? Только убийств у братвы за душой не менее десятка! Он ползал по буеракам, отстреливался на два фронта, заставил залечь рискнувших подняться в полный рост милиционеров. Патроны и не думали кончаться — банда собрала приличный арсенал.

Андрей попытался перебраться на соседский участок, но пуля пролетела так близко, что он поневоле испугался.

В кустах мелькали головы милиционеров, они падали направо.

— Мужики, осторожнее! — крикнул Некрасов. — Не лезьте под пули, он никуда не денется!

— И не шмаляйте как психи! — выкрикнул из-за поленницы Луговец. — Нас же постреляете!

Тем временем Буба продолжал ползти между грядками. Иногда в прорези прицела мелькало его перекошенное лицо, но в следующий миг пропадало. Просто